

Фридрих Антонов

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Становление

Фридрих Антонов
Александр Македонский.
Становление

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Александр Македонский. Становление / Ф. Антонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859355-0

В книге показана юность Александра Македонского — период его становления. Это не научное исследование, а поэма, хотя все герои здесь — это реально существовавшие исторические личности того времени и все события, описанные в книге — это реальные события биографии Александра Македонского. Книга захватывает период — от окончательного завоевания Греции Филиппом II (битва при Херонее) и до начала Восточного Похода (Конгресс в Истме и Олимпийские игры в древней столице Македонии, в городе Эге).

ISBN 978-5-44-859355-0

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Афинский театр, народное собрание	9
Глава 2. В ожидании приезда Александра	25
Глава 3. Встреча Александра в Афинах	35
Глава 4. На ассамблее	39
Глава 5. Александр. Рождение, юность, учёба и возмужание	51
Глава 6. Родители – отец и мать (Филипп и Олимпиада)	59
Филипп	59
Олимпиада	61
Глава 7. Купание в море	63
Птолемей и Таида	63
Глава 8. Друзья	70
Прогулка к морю	70
Гефестион	72
Неарх	73
Птолемей	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Македонский Становление

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2017

ISBN 978-5-4485-9355-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В 338 г. до н.э., в битве при Херонее, Филипп II, Македонский (отец Александра) разгромил силы греческого (в основном Афинско-Фиванского) союза, завершив тем самым полное завоевание Греции. На стороне греков сражались также отряды из Коринфа и Мегара. В этой битве 18-летний Александр командовал левым крылом македонской армии. Его конница прорвала линию обороны противника, разгромив при этом элитный фиванский отряд «Священная лента» и обратила противника в бегство.

Филипп Македонский долгое время носился с идеей единства греческого мира. Он очень много делал различных попыток объединения Греции, склонял их к единому общегреческому союзу, распространял идею единства всего греческого мира, способствовал развитию наук и искусства. Один из величайших философов Древней Греции – Аристотель, жил и работал в Македонии. Он был воспитателем Александра, с 13-летнего возраста.

А ещё ранее, при Архелохе, в Македонию приехал один из величайших драматургов Древней Греции – Эврипид. Он долгое время жил и работал там. Его театр пустил глубокие корни в этой стране и оказал большое влияние на развитие театрального искусства в Македонии. Туда приглашались также поэты, певцы, художники и артисты. И это далеко не всё.

Филипп пытался ещё и экономически покорить Грецию. Он основал чеканку полновесных золотых монет и пустил их в свободный оборот по всему греческому миру. Но греки были высокомерны. Они благосклонно принимали и пользовались всем тем, что предлагал им Филипп, но на союз с ним не шли, отвергая главенство Македонии. Они только себя считали свободными, а остальных – варварами, которые должны были служить грекам рабами.

И именно из факта завоевания Греции Македонией, на мой взгляд, следуют, по крайней мере, два интересных события. Во-первых, Греция сама оказалась завоёванной, а следовательно в рабском положении и предложение Филиппа создать единый общегреческий союз стал для них, по сути, отдушиной в свободный мир. Именно с завоеванием появилась реальная возможность создания общегреческого союза под руководством Македонии.

И ещё одно событие, касающееся мировоззрения Александра. Ведь будучи по сути негреком, он долгое время шёл к созданию общегреческого союза. Сначала под руководством отца, а потом самостоятельно. Это был достаточно продолжительный этап его молодости. В конце концов, став во главе общегреческого союза, он пришёл к гениальнейшей идее «О единстве разума» всех людей земли – гомонойе. Гомонойе – это ещё не гуманизм. Однако именно из неё появились тенденции, которые в последствии привели к гуманизму.

Сегодня можно твёрдо сказать, что идея гуманизма на нашей земле зародилась из Александровой гомонойе. Во всяком случае это был первый и мощный удар по звериному национализму, господствовавшему в умах людей того времени. А с началом Восточного Похода, начался процесс постепенного отмирания привычного деления людей земли на варваров и неварваров. Потому что именно здесь происходило смешение различных племён и народов, в том числе и насильственное. Конечно, процесс этот не нужно упрощать, он намного сложнее, но истоки всего этого лежат именно здесь.

Следует сказать ещё, что греческий мир, ко времени завоевания его Филиппом, в своём отношении к Македонии был неоднородным. Кроме того он находился в состоянии глубокого кризиса. В Афинах, да и в других городах Греции скопилось большое количество ничем не занятых людей, практически в нищенском состоянии. Богатым людям нужны были рынки, рабовладельцам рабы. Устремления Филиппа не остались незамеченными. В Афинах да и по всей Греции шли острые и непримиримые дебаты.

В Афинах сложились две партии – македонская, которая стояла за союз с Македонией, и антимакедонская. И эта поэма начинается с того, что граждане Афин сошлись на народное

собрание для решения очень важного вопроса. Накануне вестник принёс известие, что греческая армия наголову разбита Филиппом и он требует мира и союза. Собрание должно было решить что делать дальше – продолжать борьбу или принять условия победителя?

Теперь несколько слов о самом написании предлагаемой поэмы в лицах. Собственно в каждом Разделе есть все необходимые для этого пояснения. Здесь хочется сказать лишь о некоторых принципиальных вопросах, касающихся всей поэмы в целом. Во-первых, о действующих лицах. Все действующие лица – это реально существовавшие исторические герои, современники описываемых событий.

В поэме есть несколько разделов, связанных с пребыванием македонцев в Афинах, в период заключения мира. Например, посещение Александром научной ассамблеи. Это был своеобразный экзамен, устроенный афинской интеллигенцией, вызванный желанием «копнуть его» и посмотреть каков он? Здесь Александр, со свойственными ему достоинством и честью, как ученик великого Аристотеля, принял участие в работе ассамблеи. Он со знанием дела отстаивал философские вопросы, которые ставились там. Все участники этой ассамблеи – реальные исторические лица, современники Александра. Конечно, конкретика и нюансы этой ассамблеи, естественно, плод фантазии автора.

Что касается участников поэтического симпозиона, то и они – реальные поэты, артисты и художники того времени. Местом их постоянного жительства и работы, вообще говоря, была практически вся Древняя Греция. С чисто поэтической точки зрения, я своевольно собрал их всех вместе, в Афинах и заставил участвовать в поэтическом состязании. (А кое-кого даже с некоторым смещением во времени.) Что же касается их стихов, то это их подлинные стихи, естественно в моем переложении. (В качестве подстрочников взяты не рифмованные переводы, опубликованные в сборнике «Античная литература», серии «Всемирная литература», 1968 года издания, г. Москва.) Переложения свободные поэтические.

И наконец, я не могу обойти молчанием такую героиню, как Таида, которая больше известна по роману Ивана Ефремова «Таис Афинская». Каюсь, что и я не избежал, в своё время, большого впечатления от этого романа. Не избежал и несомненного обаяния от образа прекрасной афинянки, выведенного в нём. Это обаяние невольно проскальзывает и в моей поэме. Обойти её вниманием, как героиню, я естественно не мог. Потому что, во-первых, это реально существовавшая историческая личность, современница Александра. К тому же, она была подругой Птолемея, одного из ближайших друзей Александра, и это тоже исторический факт.

И наконец, по всем письменным свидетельствам древних авторов, именно она сожгла Персеполь – древнюю столицу персидских царей. Правда, на этот счёт у меня есть своё мнение и я его выскажу, когда до этого дойдёт черед. А что касается её имени, то я предпочёл оставить его таким, как называли её древние авторы – Таида.

Ещё несколько слов об убийце Филиппа – Павсании. Он был телохранителем Филиппа. Но вот что интересно, оскорбление Павсанию нанесли Аттал и Клеопатра, а убил он почему-то не их, а царя Филиппа, якобы за то, что тот не заступился за него, когда Павсаний обратился к нему за заступничеством. История донесла до нас сведения о нескольких Павсаниях. О двух точно, а может быть даже и о трёх.

Одного из них представляют, как человека домогавшегося Олимпиады. И Филипп вроде бы имел с ним нечто вроде мужского разговора на правах законного мужа. Но этого Павсания как-то не связывают с двумя, другими, хотя ссора между ними как раз и явилась причиной оскорбления Павсания – (убийцы). И получалось так, что один из них стал убийцей, а другой закрыл Филиппа своим телом в бою и погиб.

По-моему, Павсаниев действительно могло быть несколько, но историки, часть сведений об одном из них, могли перенести на другого. Ведь все записи, дошедшие до нас, делались как минимум на столетие позже реальных событий.

Кто на самом деле хотел смерти царя Филиппа? Заговорщики! И это одна линия. А другая – Олимпиада! Да, именно она – отвергнутая жена! В исторических хрониках нет сведений о сговоре Олимпиады с Павсанием. Но мне показалось интересным связать их вместе. Ведь тогда становится очевидным, почему он убил именно Филиппа, а не Аттала с Клеопатрой, что было бы более логично. Да простят меня строгие историки. Но в этой книге приведена поэма, а не научный труд! И я воспользовался своим правом.

Ф. Антонов

Глава 1. Афинский театр, народное собрание

(Филократ, секретарь народного собрания. Ликург, глава антимакедонской партии. Гиперид, сторонник антимакедонской партии. Демосфен, философ, главный идеолог сопротивления Македонии. Исократ, философ, глава македонской партии. Эсхин, литератор, знатный афинянин, сторонник македонской партии. Эвбул, знатный афинянин, сторонник македонской партии. Адростен, сторонник антимакедонской партии. Народное собрание, афиняне. Обсуждается вопрос о заключении мирного договора с Македонией.)

Филократ

Друзья и сограждане славных Афин,
Мы с вами сегодня, сюда, как один,
Пришли, чтоб решить очень важный вопрос.
Вчера, с поля боя нам вестник принёс
Известие страшное – наши войска
Разбиты Филиппом. И боль и тоска
Сжимают мне сердце и душист слеза,
Обида и гнев застилают глаза.

Нам надо подумать, как дальше нам жить,
Филиппа в бою не смогли победить.
И вот неизбежно должны мы признать
Теперь над собой Македонии власть.

Куда нам пойти? Иль куда повернуть?
Решеньем своим мы Афинам вернуть
Должны независимость! Но и тогда,
Дорога у нас неизбежно одна —
Союз с победителем. Или война.

Гиперид

Война до конца! И не наша вина!
Смелее вперёд! Спарта тоже одна!

Филократ

Постой, Гиперид! Не играй ты с огнём!
Пусть граждане скажут, мы слово даём.

Ликург

А что говорить? Спарта в битвах одна!
И сильных врагов побеждает она.
Она нам – стойкости пример!
Спокойно перейдём барьер,
За коим битвы и лишенья.

Не станем, братья, на колени!

Филократ

Да, Спарта гордая одна,
Она от нас с большим презрением,
Надеясь только на себя,
Прочь отстранялась. Ну так что же?
Но нам негоже так, друзья!

Сражение при Херонее
Нам поражение принесло.
И поздно с бурей бороться,
Корабль на скалы занесло!

Паденье наше, унижение,
Власть македонского царя —
Это действительность сегодня.
Пока опустится заря
Нам надобно принять решение,
Унять амбиции и стыд...
Да, погоди ты, Гиперид!

Обиду! Слабости мгновенья!
Должны мы стойко превозмочь.
И прежде чем наступит ночь
Царю Филиппу дать ответ —
Мы будем биться или нет.

К чему шуметь, как вороньё?
Все эти крики! И враньё,
Что мы способны так, как Спарта!
При Херонее наша карта
Увы побита! И ответ
Быть может только:
«Битве нет!»
Если разумное решение.

Исократ

А победитель наш – сговорчив.
И предлагает нам союз.
Без утеснений и без рабства,
Не налагая тяжких уз.

И ныне нам какой-то выбор
На нашем сборе надлежит,
Через гордыню всё же сделать.
Наступит мир? Иль путь лежит

Через сражения и бойни...
А что потом – судьба решит!

Да! К нам сюда царевич едет,
Чтоб соглашенье подписать.
Так что нам, граждане, сказать?

Ликург

Друзья! Сограждане! Афины!
Я о погибших говорю,
Тех, что погибли защищая,
Свободу нашу и свою.

Завоеватель нам не нужен!
Союз с Филиппом – то позор!
Измена памяти погибших.
Какой быть может договор?

После потерь при Херонее
Мы армию должны создать.
Имущества не пожалеем
И в нашей праведной борьбе
Врага свободы одолеем!

Иль чашу горькую до дна
Испьет несчастная страна.
Но Спарта тоже ведь одна —
И ничего! Живёт она!

Исократ

(Перебивая Ликурга. С издёвкой.)

О! Слава Спарте! Да, одна!
Её никто не потревожит!
Поскольку – просто не нужна.
Как ошестинившийся ёжик,
Как карлик бешеный стоит,
На всех набычился надменно,
Всем, кто приблизится, грозит,
И злобною слюною брызжет,
И гневом яростным кипит.
Вот образ вашей милой Спарты.

Но с ней не будут воевать,
А обойдут иль отвернутся,
Поскольку карлику тому
Всё это нужно одному —
Со злобной дурью тупо биться,

И тупо мышцы упражнять,
И дурь свою по свету сеять,
Учить искусству убивать.

Они, ни сеять, ни пахать,
Они и строить не умеют,
Умеют только убивать,
Да копья злобные строгать.

Ах, да! Ещё мечи ковать,
Хвала Гефесту, научились.
А что ещё, скажите мне
У них в ремёслах получилось,
Чтоб можно было показать?

А больше нечего сказать —
Вот вся их техника в стране.
Наёмник в этом государстве
Стал непомерно процветать.
И строй у них – худое царство.
Нашли образчик государства!

Там всё, и быт, и все законы,
Уклад семейный – одному,
Войне кровавой только служит.
И вы стремитесь все к тому?
Вам строй и быт – такой же нужен?

Ликург
(Пытаясь перебить Исократ)

Что тут плохого?

Исократ
(Отмахиваясь, как от мухи)

Война у них вошла в привычку,
Их с детства учат убивать
И умирать без сожаленья,
А тех, кто ранен, – добивать.
(И иногда, без соглашения.)

У них познания троглодитов,
Их жены могут лишь рожать:
«Всё более тупых и смелых!»
Им ничего не нужно знать!

Их женщины с рабами блудят,
Лишь бы ребёнка заиметь.

Вам это нравится иметь?

Там нравы дикие бытуют:
«Мужчину! Мальчика!» – лютуют.
И требуют одно – рожать!
Вам это хочется познать?

Ликург

Но ведь свобода!

Исократ

Погодите!
А кто берёт её у вас?
Вы у меня о том спросите.
Я здесь толкую целый час.

Ликург

Филипп! Да! Варвар Македонский!

Исократ

Вот тут, позвольте вам сказать,
Никто её не хочет брать,
Ни жизни вашей, ни свободы,
Царь Македонии нам друг...

Демосфен
(С издёвкой)

Вы гляньте, граждане, вокруг!
Царь Македонии наш друг!

Исократ

Он доказал это делами.

Демосфен

Какими именно?

Исократ

Он с нами
Желает заключить союз.
А это равенство и дружба.
И без каких-либо обуз.

Демосфен

Любезно, мило, очень скромно!
Он независимость даёт.
Взамен свободу заберёт.

Исократ
(С издёвкой)

Уже, так сразу и забрал.
(Далее вполне серьёзно)
Он независимость даёт.
А мог бы, как и перс надменный —
Пришел, как вихрь, победил,
Святыниц храмовых лишил,
Сокровищницы все разграбил.
И тяжкой данью обложил.

А здесь, союз нам предлагают,
В котором мы, как равный брат!
Зачем нам пятиться назад?

Эсхин

Я бы сказал, не так уж плохо,
Коль меч нам в битве отказал.
Он это твёрдо обещал?
Союз нам был бы – щит надёжный,
От всяких персовых навал.

Исократ

Союз ведь – цель его. Он хочет
Все города объединить,
Чтоб меж собой не враждовали,
Могли, как прежде, вольно жить.

Не занимались переделом,
Корыстно, злобно, между делом,
Не приводили бы рабов,
Путём враждебным обретая,
И честь, и совесть забывая,
Из близких родственных племён.
Как повелось с лихих времён.

А против персов и врагов
Имели бы большое войско,
Взамен убогого геройства

Отдельных мелких городов.
Ну, в общем, так. Расчёт таков.

Демосфен
(*Серьёзно*)

Филипп не глуп. Он твёрдо знает:
Афины наш священный щит.
И если он всего лишает —
Ему Эллада не простит.

Священная война не шутка,
Он это крепко ощутит
И вряд ли той войны захочет.
Афины наши защитит,
Скорей искусство наших зодчих,
Чем наши острые мечи.

Эвбул

А мир ему сегодня нужен.
И он не кровожадный зверь.
И варвар только лишь в насмешках.
*(Дружески, полушутя, кивает в сторону
Демосфена, намекая на его «Филиппики».
На лицах многих сторонников
Антимакедонской партии, при упоминании
Демосфеновых «Филиппик», появились улыбки)*

Союз же этот нам теперь
Конечно, очень был бы нужен.
И хватит с нас уже потерь.

Гиперид

Филипп враждебен, кровожаден!
Он варвар! Варвар! Дикий зверь!

Исократ
(*Гипериду*)

К врагам? Конечно беспощаден!
Друзьям – всегда открыта дверь.
И хочешь верь, хочешь не верь,
Желает мира всей Элладе.
И думает о светлом дне,
Когда все греки соберутся
В единой греческой семье.

За это он теперь воюет,
Цель благородна, в ней он весь,
Ломая племенную спесь,
Он хочет лишь объединенья.
Ты разумом всё это взвесь.

Вот ты сказал, что варвар он.
А он на этот свет рождён
Потомком древнего Геракла,
Через Карана. Связь времён!

Гиперид

Да как ты смеешь? Громовержец!
Да, он сейчас гневит Олимп!
Он богохульствует!

Исократ

Нисколько!
Ведь древний греческий Олимп —
Вершина в Македонии! Поскольку
Храм всех богов издревле там,
Что всё давно известно нам.

А нынешний Олимп – двойник.
От правды ты я вижу сник!
Чтоб ты не ездил далеко,
В страну иную ежегодно,
А мог молиться сколь угодно
По близости к своим домам —
Это давно удобно нам.

Перемещение народов
По древней праведной земле
Переносило и святыни,
Ужель не ведомо тебе?

Гиперид
(Негодюя)

Не богохульствуй Исократ!

Исократ

Сограждане! Я был бы рад,
Когда б и вы моё признали мнение.
Вам всем известно без сомнения,
Что македонский и наш греческий народ

Из корня общего идёт.
Дорийцы – это наши предки!
И Македония – от них!
Увы! Здесь не было иных!

Понятность языка, легенд единство,
За доказательством ходить не долго нам —
Мы молимся одним богам.

И в этом общность материнства.
А то, что древнее святилище богов,
Святой Олимп лежит не у врагов,
Ещё раз говорит нам о единстве.
То видно приговор богов.

Ликург
(*Перебивая Исократ*)

Он говорит, как трус, изменник и предатель!
Не верьте граждане ему!
Эй, стража! Взять его! В тюрьму!

Филократ

Ликург! Не буйствуй понапрасну!
И не вменяй в вину ему, чего не следует.
(*передразнивает Ликурга*)
В тюрьму!

Ликург

Он куплен золотом Филиппа!
Он слишком складно говорит.
А в кошельке его звенит...

Исократ
(*Бросается на Ликурга*)

Наймиты Дария!
Предатели единства!
Спесивые защитники старья!
Старьевщики – не демократы!
Ты смеешь обвинять меня
В каких-то взятках? Исократ?
Паршивый пёс! Убью тебя!

Ликург
(*Отскакивая*)

Сограждане! Он бьёт меня!

Эвбул
(*Ликургу*)

Ты обвиняешь не по праву!
Ликург! Не мне тебя учить!
Сначала нужно уличить,
Поймать с поличным... Заключить...

Ты сам прекрасно это знаешь!
Перед народом... По уставу...
А уж потом чинить расправу!

А то и я могу наветом,
Бездоказательно сказать,
Что вы горазды получать
Подачки Дария.

Ликург
(*Бросается на Эвбула,
но его оттаскивают*)

Да, как ты смеешь!
Негодяй! Ты осторожней обвиняй!

Эвбул

Я мог! Но я не говорил!
А этот сказочный берилл
(*Указывает на перстень,
что на пальце Ликурга*)
Индийский или Согдианский?
Богатый перстень! Подарил
Должно быть кто-то? Ну конечно!
Конечно, кто-то подарил!

Купить такой не по карману.
Я б с удовольствием носил,
Ан, нет! Деньжат не накопил.

Ликург

Перстень фамильный! Он старинный.
И мне достался от отца.

Филократ

Да успокойтесь господа!

К чему все эти недомолвки,
Намёки странные к чему?
Мы здесь собрались потому,
Что боль за наш любимый город
Нам всем покоя не даёт.
И ныне каждый патриот
Стать должен городу опорой.
Наш жребий видимо таков!
Зачем поводимся, как свора
Дерущихся на рынке псов.

Исократ

Давайте призовём богов!
Кому моё угодно мнение,
Его я высказать готов —
Я всех зову к объединению
С царём Филиппом. Зов таков.

Я ныне знаю человека,
Из всех могучих – одного,
Кто б мог из этого всего
Собрать единую державу,
И возродить былую славу,
И силы двинуть на Восток.
Это Филипп! А тот поток
Ненужной лжи – шутов забава!
И слабоумия росток.

Ликург

У нас анархия! Свобода!
Мы – демократы! А Филипп
Несёт с собою власть тирана.
И вся душа моя болит,
При этой мысли, словно рана,
В груди от острого меча...

Демосфен

Ликург, спокойней! Сгоряча
Ошибок много можно сделать,
Здесь не поможет наша смелость.
Оставим гордости «парад».
И хватит нам людских утрат.

Мой разум видит, что нельзя
Вот так-вот, тупо рисковать.
Войной Филиппа не сломать.

Иначе нужно поступать!

Да, мои милые друзья!
Как ни досадно, ни тревожно,
На сердце камень! Но признать
Придётся нам Филиппа власть.
Условия и впрямь не тяжки,
Для нас свободных. И как знать!

Как дальше дело обернётся?
Тирана власть ли оборвётся,
Или подспудно, из темна,
Восстанет падшая страна,
В глубинах силы собирая?
И вновь над нами восплачет
Свободы ясная заря!
И будет это всё не зря.

Гиперид

Да ты ли это, Демосфен?

Демосфен

Я, Гиперид, я, Адростен.
Я вел вас долго, я боролся,
Но ныне вижу, что нельзя.
Корабль на скалы напоролся.
Вот так-то, милые друзья.
Я за принятие условий.

Гиперид

Ну что ж... Раз так... Тогда и я.

Адростен

Я тоже за.

Ликург

Да вы с ума все походили!
Ты, Гиперид! Ты Демосфен!
О боги! Зевс! Мои Афины!
Да что на вас нашло на всех?
Бороться надо! Драться! Драться!
Народ поднять! И снова в бой!

Исократ

И горы трупов за тобой!

Демосфен

(Как бы разговаривая с самим собой)

Сраженья! Кровь! И горы трупов!
Бредут бездомные толпой!
Вместо цветущих нив Эллады.
Пустыня смерти за тобой,
А вместо храмов по холмам
Одни развалины. И нам
Гордиться этою картиной.

О нет, Ликург! Все наши храмы,
Искусства нашего полёт —
Сильнее к нам друзей влечёт,
Чем язвы войн и гной на ранах.
И те же милости тирана,
Что нам так щедро возданы,
Престижем нашим рождены.

Нет, Спарта нам пример не лучший.
Ликург кричит: «Народ! Народ!»
А он воды набравши в рот,
Молчит и сам себе смекает:
«Куда кормило¹ повернёт?»

И воевать народ не хочет,
Когда на землю мир идёт.
(Полурассеянно)
Вполне приемлемый...
*(Спохватившись, произносит
вполголоса, как бы про себя)*
О, боже!
Будь проклят ты, кривой Филипп!
(Далее – громко, чтобы все слышали)
О мире печься долг велит!

Ликург

Прости, мой друг, в борьбе учитель.
Мне сильно гнев застлал глаза.
А над Афинами гроза
И отвратить её не в силах
Никто из нас. И мы должны
Пока смириться. И вы правы,

---

¹ Кормило, здесь – руль (инструмент управления).

Искусством нашим небывалым
Мы в мире эллинов сильны.
И рисковать мы не должны
Святыней греческого мира.

Филократ

Я рад! Достигнуто единство,
Противных партий голосов.
Свои амбиции и гонор
Пока упрячем под засов.
И обратим теперь свой взор
К народу. Что нам скажут люди?
(Обращается к собранию)
Что скажут граждане?

Первый афинянин

А что нам даст союз с Филиппом?

Исократ

Конец войне и прочный мир,
Единство греческого мира,
Поход на вражеский Восток,
Переселения поток.
Необходима власть Филиппа,
Чтоб эллинов объединить,
В страну единую сплотить.

Эвбул

Богатство, золото, добыча!
Принадлежащие врагам,
Полезны могут быть и нам.
Наш мир избавить от набегов
И ход судьбы переломить.
Это вернее берегов,
Здесь только нужно – победить!

Второй афинянин

Дела свои не грех поправить.
Неплохо б в Персию отправить
Большую армию от нас
И грандиозный перетряс
Устроить персам. Чтобы «парс»
Своим потомкам дал наказ,
Не приходите с войной на нас.

Исократ

А что с посольством? Что с союзом?
Какой мы можем дать ответ?
Союзу – да? Союзу – нет?

Голоса

Послать послов к Филиппу с миром.

Ещё голос

Мы за условия его.

Голоса

Мир с Македонией! Согласны!
Коль в договоре нам даны:
Свобода, мир, единство греков,
Щит против козней Сатаны.
Послов к Филиппу!

Филократ

Кого послами мы назначим?

Один из голосов

Пусть будет первым – Демосфен.

Другой голос

Вторым – Эсхин. Ему мы верим.

Третий голос

Ты, Филократ! Тебе вручим
Доверенность главы посольства!

Филократ

Что ж, за доверие спасибо!
Я послужить Афинам рад,
Не будь я киник Филократ.
Мы отправляемся немедля.
Скорей туда, быстрее назад.
Собрание окончено. А дальше
Гулянье общее, театр.

Да! Будет жертвоприношение!
А на Пирее – маскарад,
Концерт и шествие дриад.²

---

² Нимфы – покровительницы деревьев. (Речь об одном из видов многообразного маскарада)

Глава 2. В ожидании приезда Александра

Площадь перед Афинским акрополем. Толпа гуляющих афинян. Город возбуждён в ожидании приезда Александра. Ходят слухи о скором походе на Восток. Среди ожидающих Филократ, Эсхин, Эвбул, Исократ, а также представители антимакедонской партии: Демосфен, Гиперид, Ликург. Вокруг ораторов собираются люди, они слушают, спорят. Вниманием толпы завладевает, то один оратор, то другой. После поездки афинской делегации к Филиппу и согласия на его условия, в Афины должен приехать Александр, для подписания договора.

Тибул
(Первый гуляющий)

Авксентий, хайре! Что взорвало
Сегодня наших афинян?
Толпа гудит осатанело!

Авксентий
(Второй гуляющий)

Привет Тибул! Ты верно пьян!
Ещё с вчерашнего веселья.
Толпа афинских обезьян
Глазеть желает на приезжих.

Тибул

А кто приезжие?

Авксентий

Изъян
В твоих познаниях мы исправим:
К нам должен прибыть Александр.

Тибул

Ну, эка невидаль! Афины
Приездом варвара смутить!
И до такого-то дожить. О, Аполлон!
Дай пережить!
Он что? Сюда приедет в шкуре
С ворсою снятой с кабана?
В носу кольцо, волос копна,
Не знавших гребня? Что ж – и я
Рад поглядеть тогда на диво.

Авксентий

Ну что ты, братец! Говорят,
Что он умен, красив, воспитан.
Открытый, ясный, светлый взгляд.
Откуда ты подобных сплетен,
Наслушался про дикаря?

Тибул

Э! Там вон, что-то говорят.
Пойдём, послушаем.
(Подходят к группе вокруг Филократа)

Гесиод

(Знатный афинянин)
(Филократ, Эхин и другие)

Я слышал сын с отцом не ладят,
В раздоре сильном, говорят.
Ты был с посольством Филократ,
Поведай нам об этой ссоре,
А то тут сплетни, аж гудят,
Но правды мало в этом соре.

Филократ

Филипп с Олимпией развелся
И выбрав новую жену,
Сошёлся с юной Клеопатрой,
И там, на свадебном пиру,
Изрядно выпивший Аттал,
Он дядя этой Клеопатре,
Всех призывать молиться стал,
Чтоб бог наследника послал.
Законного наследника, заметьте!

И этот родственник – Аттал
Разгневал сына – Александра.
Тот как ошпаренный вскочил,
За ним друзья, как по команде,
Царевич чашу со стола схватил:
«По-твоему, я что же, незаконный?»
И в голову Атталу запустил.

Филипп за меч и бросился на сына,
Но сильного в попойках, хмель свалил.
И рухнул царь Филипп, за ложе зацепившись.
А Александр потеху закатил.
«Глядите, – говорит, – на этого владыку!
Он к персам в Азию отправиться хотел,

Сразиться с Дарием, но носом полетел,
Переправляясь тут – из ложа в ложе».
Ну, растащили их...

Гесиод

И что же?
Что дальше было? Дальше что?

Филократ

А дальше? Что ж могло ещё!
Царевич мать забрал
И прочь ушёл из Пеллы.
Она сестра Эпирского царя.
И род её идёт от Ахиллеса...

Демосфен

Ещё одна хвалебная стезя...

Эвбул

Оставим времени завесу.
А Демосфену только бы затеять спор!
У нас тут интересный разговор.

Демосфен
(С иронией)

Помилуйте, какой тут спор?
Но коль божественный царёнок
Захочет впрямь героем стать,
А мы для этого признать
Должны его происхождение?
Извольте! Нам не привыкать!

И отпрыск царственного дома
Пускай считает свой живот
От Зевса или Посейдона,
Иль сразу от двоих ведёт...
Мне это лично – безразлично.

Гесиод

Ну и прекрасно! И отлично!
Дай нам дослушать! Мы хотим!

Демосфен

*(Не обращаясь ни к кому.
Про себя.)*

Суровый рок неотвратим.
Грядёт на нас Арей кровавый,
Зевс, громовержец! Боже правый!
Сожрет нас этот нелюдим.

Авксентий
(Тибулу о Демосфене)

И не берёт его ничто,
Ни страх пред силой, ни угрозы.
Упрям и крепок Демосфен.

Тибул
(Авксентию)

Да, он покрепче этих стен.
Они со временем хиреют,
А он, как видно не стареет.

Гесиод

А что же дальше, Филократ?

Филократ

Отец одумался, проспался,
Решил вернуть к себе назад
Опору-сына, чуя горе.
Посольство выслал, дал наряд,
Просил скорее возвратиться,
Не помнить зла, забыть беду,
Обид былую череду.

И снова горькая размолвка,
На этот раз брат Аридей
Причиной стал. Раздор! Кручина!
И череда враждебных дней!

Царь Карии хотел с Филиппом
Родством скрепить союз держав
И дочь отдать за Аридея,
Приобретая много прав.

Брат Александра – слабоумен,
Зато имел хороший нрав.
Всё дело сладили, довольны

Филипп и Карий Пиксодар,
Бьют по рукам!

Но Александр
Увидел злое умышление
По отношению к нему,
Решив, что царской брачной связью
Они закроют трон ему.

И он Филиппу ни полслова,
А к Пиксодару шлёт посла —
Любимца, трагика Фессала,
Уговорить её отца,
Ни с полоумным Аридеем,
А с ним достойно заключить
Союз. И деву получить.

Царь Пиксодар до слёз растроган,
Своё согласие даёт.
Отец об этом узнаёт —
Филипп Всесильный. Он зовёт
К себе упрямца Александра.

Он рвёт, и мечет, и корит
Его за выходки такие.
Его безумцем-гордецом,
И эгоистом, и лжецом
Назвал без совести и чести.

И прочь прогнал его друзей:
Гарпал, Неарх и Птолемей —
В изгнанье посланы,
А с ними и их приятель – Эригей.

Фессала в цепи заковали,
А Александра к нам сюда,
С почетной миссией послали,
Чтоб с глаз долой. И та беда
Пока затихла.

Ликург

Вот дела!
Выходит он у нас в изгнании?
А может нам против отца
Его использовать умело?
Попробуем пригреть птенца!

Демосфен

Ты что же? Думаешь, что голубь
Его отец и голубок, что так естественно, сынок?
Увы, Ликург! Не кроткий голубь,
А крови жаждущий Арей
В том сердце юноши. Скорей,
Волчонок он, с копья вскормлённый,
На войны с детства заострённый.

В 16 лет, оставшись дома,
Страною править, как отец
Ушел с войною на Византий.
И этот самый вот, стервец,
Забрал в кольцо восставших медов.
Разбил! Их город штурмом взял!

И всех, кто был, без сожаления,
Из города того изгнал —
Детей и жён, хоть стар, хоть мал.
А в город тот переселенцев
Из Македонии послал.

Александрополем назвал —
Тот город. Маленький шакал!

Ликург
(Растерявшись от изумления)

Милый ребёночек!

Гиперид
(С удивлением)

Весь в папу!
В 16 лет такая спесь!
Подумаешь и станет жутко!

Исократ

Не спесь, а цель! И цель – не шутка!
Да, в нём воинственный Арей
Намного крепче утвердился,
Чем все забавы у детей.
И тяга юношей обычных
До афродитыных затей.

(Далее с издёвкой)
Какой скандал! Восстали меды!
А он их с силой подавил,

На головы обрушил беды...
(Далее серьёзно)
Он попросту вопрос решил,
Как взрослый муж.

В державе бунт! Это серьёзно!
В проблеме это – первый пункт!
Они решили отделиться...
А он за это им – разгром!
И мне сдаётся – поделом!
Иначе не могло случиться!

Отец оставил управлять.
Вот он и правил так, как взрослый!
Что? Было б лучше позволять
Разброд с крамолой учинять?
Кто б разрешил такой подход?
По-моему – разумный ход.

А сам Филипп – что? Тоже бы возился?
Как безобидная овца!
Да он бы всех их продал в рабство,
Довёл до чёткого конца!

Вы насмехаетесь: «Малютка!»
И говорите: «Это спесь!»
А я вам – цель! И цель не шутка!
И в этом, кажется, он весь.

Весь Александр с его стремлением
Объединить наш дряхлый мир —
Афины, Фивы, и Эпир,
И Македонию, и Тир.

И этот мальчик, словно взрослый,
Давным давно уже прозрел
И понял, что народ раздроблен.
И ждёт нас всех один удел —
Дрожать от страха перед сильным,
Пока не будем сплочены
Под знаменем одной страны.

Ему сегодня 18.
Умён, красив, честолюбив.
В сражениях, как вепрь бесстрашный,
В поступках честен, незлобив.
И род ведёт от наших древних
Почётных предков и богов...
(Родство на зависть – будь здоров!)

В роду Геракл и Ахиллес.

Он может волею небес
Героя нового являет.
Может, как чудо из чудес,
Нам боги шанс предоставляют.

Его воспитывал великий
Наш Аристотель Стагирит.
И ныне взор его горит,
Зажжённый факелом познания.
Не каждый подчинит желанья
Суровой воле, как гранит.

Да, с детских лет своё ученье
Он подчинил лишь одному,
Тому, что станется ему
Необходимым для свершенья
Великих подвигов. Тому,
Что знать, уметь и делать должен
Герой, подобный самому,
Его кумиру – Ахиллесу.

И говорят, кто знал и видел,
С какой серьёзностью к делам,
К ученью с детства относился.
Что даже Аристотель сам,
Глядя на мальчика, дивился.
Как он решения принимал
И как серьёзно относился
К беседам мудрым и словам.

Филократ

И чем взрослее он теперь,
Тем ревностнее наблюдает
За действиями своего отца.
И мысль ревнивая толкает
Его на ссоры без конца.

Отца он горестно корит
За превосходные победы,
Друзьям с обидой говорит,
Что на его лихие беды,
Отец всех недругов сразит.

Ему ж свой век сидеть в той Пелле.
А он мечтает совершить
Бессмертный подвиг,

В самом деле.

Демосфен

*(Глядя поверх голов, видит приближающийся эскорт
Все остальные ещё заняты своими делами
и не замечают приближение Александра
в сопровождении друзей и охраны.
Демосфен обращается к своим соратникам.)*

Ну что ж, законченный портрет
Царя грядущего. Привет
И масса добрых пожеланий...
Уходим, милые друзья.
Тут все в восторге, но глухие!
И все на логике скользят.
С нас царедворцы – никакие...
А вот все прочие – хотят!
(Уходят)

Эвбул

Что там за шум! Я слышу крики!
Звучат приветствия. Да, да!

Тибул

Я вижу всадников. И пики!

Авксентий

То подъезжает Александр!

Эсхин

Остановились. Сходят наземь.
И направляются сюда.

Исократ

Ну, дорогие господа,
Гостеприимно надо встретить.

Тибул

И справедливо бы заметить,
Что не заносчив, видно, он.
И не как царь Агамемнон —
Помпезно, шумно, под литавры!
И все на конях... Что те тавры...

Охраной верной окружён,
Но сам-то не вооружён.

Как равный, к равным, прибыл к нам.
Эскорт оставил свой на месте.
А сам с коня – и прямиком
Сюда к собранию пешком.
Ну что ж, хорошее начало.

Глава 3. Встреча Александра в Афинах

(Встречающие. Входит Александр. С ним его друзья: Гефестион, Непарх, Птолемей, Гарпал и Эридей. Сопровождавшие его воины, по просьбе Александра, остались на месте. Друзья должны были находиться по месту своей ссылки. Но они выехали на встречу Александру и вместе с ним въехали в город.)

Александр

*(Взглядом охватывает панораму города,
храмы составляющие гордость афинян.)*

Афины славные мои!
Как я мечтал о встрече с вами.
Увидеть вас моя мечта
И давнее моё желанье.

Доселе был лишь только сон,
А ныне вижу наяву я:
Акрополь, дивную Сову,³
С копьём Афины, как живую,
На той незыблемой скале.
Как я мечтал об этом дне!

Я знал, что я сюда приеду,
Сквозь Пропилеев череду,
Взойду на холм сей утром рано,
Увижу чудо-панораму
И к храму дивному приду.

Как странник выну из сумы
Своё, от сердца, приношенье
И положу его к ногам,
Вдыхая тонкий фимиам
Божественного воскурения.

Увидеть строгий Парфенон,
И храм Афины Полиады,⁴
Божественный Эрехтейон,
Дарящий взору свет и радость.

Я был без памяти влюблён
В красоты эти с малолетства.
Их не любить вообще нельзя.
Я рад приветствовать, друзья,
Всех, кто пришёл на эту встречу,

---

³ Сова в протянутой руке Афины – это символ мудрости.

⁴ Полиада – это защитница крепостей и городов.

Ведь мы – единая семья.

Я рад приветствовать всех вас,
Хоть и не все в сплошном восторге,
Но вы враждебность отстраня
И зла в душе не сохраняя,
Как гостя доброго меня
К себе примите. Извещаю:
Я прибыл мир установить
И узы дружбы закрепить.

А сверх того, ещё меж делом,
Святыни ваши посетить,
Места сражений навестить,
Где даже греков поруганье,
Погибель персам возвело
И Ксеркс был сломлен в назидание,
Иным захватчикам на зло.

Труды философов великих,
В старинных свитках изучить,
Театры ваши посетить,
Без опасения и риска
В соседстве дружеском пожить.

Исократ

Будь нашим гостем, сын Филиппа,
И ты, и все твои друзья.
И чувствуй здесь себя, как дома,
На этих улицах. И я,
Да впрочем, как и все Афины,
Рады приветствовать тебя.
И будь нам, грекам, добрым сыном.

Филократ

А для того, кто с тонким чувством,
Искусству дивному внимать
Обучен, трудно подыскать
Другое место в целом свете,
Где были б собраны творения
Редчайших гениев земли,
Великой греческой семьи.

Есть что увидеть, изучить,
Беседы с мудрыми мужами,
А захотите посетить
Оракула – так воля с вами.

Певцов, поэтов наших цвет,
На следующем симпозионе...
Благословляем и туда...
Их много в нынешнем сезоне.

И к Дионису загляни,
На состязания атлетов,
И сам участие прими,
Не чужд ты доблести и этой.
И это всё известно нам.
Удачи, всем твоим делам.

Исократ

Ну, словом все, что здесь в Афинах
Тебе придется по душе —
Внимай кифаре при луне,
Смотри, любуйся, изучай
И отдыхать не забывай.

Мы устремления твои
К единству знаем, любим, ценим.
Иди на зов своей мечты.
И ты достигнешь высоты,
Той, о которой ты мечтаешь.
Ты здесь друзей приобретаешь!

Александр

Спасибо, люди. Я готов
Пойти в поход на грозных персов.
Но чем-то видимо богов
Прогневал я и воля Зевса
Не расположена ко мне.
(Далее, в шуточной форме)
Отец мой доблестный, в броне,
Пройдёт, все земли сокрушая,
Возьмёт и Персию. А мне,
Чтоб я на благо всей стране
Смог хоть когда-то, что-то сделать,
Не будет места на земле.

Эвбул

На жизнь твою сражений хватит,
Об этом можешь не тужить,
Громадна Азия, Филиппу
Одним броском не победить.

И враг ещё покажет прыть.

А то что сделано – лишь крохи!
И жизнь – не мёд, – одни подвохи!
Так что готовься долго жить,
Коль хочешь подвиг совершить.

*(Далее, обращаясь
к присутствующим)*
Но это будет всё потом.
А ныне пир во славу гостя!
Прошу присутствием почтить
Достойнейших!
С почётом! Просим!

Филократ

Будь нашим гостем, Александр!
Народ наш встречей восхищен,
Нас ждёт большой симпозион.⁵
(Уходят)

---

⁵ По-гречески, это просто пиршество.

Глава 4. На ассамблее

(Александр посещает собрание афинских философов. На это собрание сошелся весь цвет афинской публики: ученые, философы, зодчие, музыканты, поэты, литераторы. Они пришли посмотреть на Александра, заинтересованные громкими слухами о нём, пришли поговорить, послушать, «копнуть его», чтобы убедиться в правильности того, что о нём говорят. Председательствует философ Тимей.)

Тимей

Приветствую тебя царевич!

Александр

Без званий можно – Александр!
Я с детства не люблю чванливость.
Мне простота, куда милей.
Но, перебил тебя Тимей,
На том прошу простить меня.
Молчу и слушаю тебя.

Тимей

(Продолжает)

Тебя, я знаю, Аристотель
Учил познанию вещей.
А он совсем не по Платону
Нам поясняет мир идей.

Платон, великий наш философ,
Создатель сущностных идей,
Учил нас всех познанию мира.
О том, что свойства всех вещей
Лишь при раскрытии даются.

Они в понятии о ней,
О вещи, как бы создаются!
Но в виде сущностных идей,
Самой природою даются
Вне наших действий и затей —
Бытуют вечно.

И если мир идей возьмём,
И с ним пойдём прямым путём,
То с неизбежностью придём
К тому, что нет богов на свете.

А то, что ярко солнце светит,

За зимней стужей небосвод
На нашу землю благо льёт.
Порядок в мире, хоровод
Светил на небе мерно движет,
Земля живёт, цветёт и дышит,
За днём приходит тихо ночь...
Чей разум в этом, чья тут мощь?

Кто мирозданию начало?
Кто злomu хаосу конец?
Порядка стройного творец?
Не боги разве?

Александр

Ясно, боги!
И мой учитель, Стагирит,⁶
В своём учении гласит:
Что мир реальный нам являет —
Многообразие вещей.
А этот самый мир идей —
Всего лишь – метод изучения.
На этом знание стоит.
А нет идей – нет и ученья,
И это каждый подтвердит.

Но этот самый мир идей,
Приблизит нас к познанию мира,
Не более самих идей,
Внемлите разуму людей!

Принятье сущностей Платона
Удвоит попросту весь мир:
И твердь, и звёзды и эфир,
Всё продублировано будет.
И не прибавит ничего
К познанию нашему того,
Что окружает в жизни нас.
Коль коротко – такой вот сказ!

И потому, скорее вредно
Ученье мудрое его.
Коль не прибавит ничего
К познанию нашему о мире.

И мой учитель не считает,
Что погрузившись в мир идей,

---

⁶ Аристотель из Стагира, поэтому Стагирит.

Мы тотчас ввергнем всех людей
В неверье, смуты или хаос.
Зайдите в храм, через пронаос⁷
И вы найдете там людей,
Перед богами преклоненных,
Совсем не знающих «идей»,
Платоном мудрым привнесённых.

Мы в храмах зрим Учителей!
Учёных, очень просвещённых,
Их там не меньше, чем иных,
Причём, нисколько не смущённых.
Так что безбожие не страшно
И хаосом нам не грозит,
И мир устойчиво стоит.

Тимей

Все так! Но как же с мудрецами?
Как просвещённых убедить?
Ведь разум здравым должен быть!

Александр

А мудрецы познают сами:
Что как устроено, живёт,
Как движется? Куда идёт?
И здесь «Идеи» – не подмога!

И Аристотель говорит:
Что сущность в вещи состоит.
Сама в себе! И не стоит
Во вне от вещи и отдельно.

Мир вечно движется.
Движеньё,
То без начала и конца.
А перводвигатель в покое —
То разум нашего творца.

Ты видишь сам, что не безбожно
Ученье мудрое его
И не содержит ничего,
Что было бы для нас во вред.
И это будет мой ответ.

Тимей

---

⁷ Наос – внутренняя часть храма. Пронаос – «перед наосом», помещение ведущее в наос.

(Улыбнувшись)

Спасибо юноша! Доволен!
Да, мир идеями удвоен
Только в сознании людей.
И мы оставим мир «Идей».

А Стагирит должно не зря
Учил познанию тебя,
Вложил в тебя, и труд, и разум.
Ну, в общем, чувствуется база.
Учителю – большая честь!
Держайте, вьюнш! База есть!

Эсхин
(Литератор)

Есть у меня вопрос к тебе.
Скажи мне юноша без лести,
Что ты о данной нам душе
Серьёзно думаешь? По чести!

Александр

Бог – высший разум, а душа
И разум наш – его частицы.
Мы ходим, спим, живём дыша,
А та бессмертная крупица
В нас постоянна и она
Есть наша сущность, пока дышим.

Нам данная, пока живём.
Ну а потом, когда умрём,
Частица наша снова в нём!

В Создателе!
(И усмехнувшись, добавил)
Она – даётся нам внаём,
Пока мы дышим и живём!

Эсхин

Ну не совсем, как Аристотель,
А в общем, правильно. Но я,
В вопросе, этом буду ближе
Скорей к Платону. Да, друзья!

Александр

Я не везде и не во всём
С моим учителем согласен.
Есть ряд вопросов, по каким
У нас сплошные разногласия.

Он рабство наше каждый раз
Умно и дельно утверждает.
Он женщину, красу земли —
Созданьем низменным считает.

Я не согласен в этом с ним.
И разделение народов —
На эллинов и варваров,
Надменный дух изобличает.

Делить людей по племенам,
Достоинство определяя,
По принадлежности их к нам,
Иль чуждыми совсем считая,
Коль их культура не от нас —
Неверно просто. Это раз.

Второе – варваров рабами,
Нам данными самой судьбой,
Считать нельзя. Подход такой
Снаружи, может быть, и красен,
Внутри же словно плод гнилой.

Посев такой дать может всходы
Не в пользу нашей стороне.
Коль где-нибудь в иной земле,
Вдруг поменяются местами
Негреки с греками.
Рабами объявят греков!
Что тогда?
Что делать грекам, господа?

А кто рождён в земле Египта?
Те – что? В неведении живут?
Искусство есть! И знают труд!
Ремёсла их умелых рук —
Известны всем. Есть ряд наук.
Иль это всё – порожний звук?

Не чтут богов? Не поощряют
Народ свой к подвигам, к делам?
Герои здравствуют и там!
Вполне достойные свободных!
И гнусным низменным рабам

Есть множество везде подобных.
И здесь – не менее, чем там!

Ценить людей по их уму,
Их мужеству в борьбе с врагами,
Гораздо лучше, чтоб понять,
Кого из них назвать рабами.

И по стремлению ценить
Сиянье тонкое искусства,
И по уменью проявить
Умно воспитанные чувства.

По знаниям больших наук,
Ремёсел тонких, мореходства,
Поэзии, механики...
Вот показатель превосходства!

Гиперид
(*Философ.*
Антимакедонская партия)

Но это эллины черты.
Они имеют с нами сходство.

Александр

Не будем брать в расчёт уродство!
Мы видим, люди все равны!
И нужно видеть это сходство,
Здесь лишь достоинства важны.
А не кричать о превосходстве!

Ведь есть же множество достойных
И восхитительных людей
В различных землях и народах.
Так точно в каждой из земель —
Есть также множество уродов,
По всем параметрам плохих.
И по всем признакам ничтожных.

А если всё на чистоту,
То я и вовсе не считаю,
Что рабство должно быть всегда.
Когда заменят труд раба
Машинами, то вот тогда
И раб становится ненужным.
Но это в будущем. Пока
Все это просто невозможно.

Полибий
(Философ)

Мой юный друг! Все это сложно!

Александр

Да, в наше время невозможно
Раба машиной заменить.
И знаю я, что это сложно.
И то, что рабство должно быть.
Сейчас его нам не изжить.
И все ж, со временем, – возможно!

И я мечтаю о единстве,
Об общем равенстве людей,
О гомонойе⁸ всех народов,
От праотеческих корней,
Идущих к нам.

О них забыли.
С тех пор как стали враждовать.
И покоряться только силе.
Но дальше, в будущем... Как знать?
Найдутся и иные формы
Существования людей,
Не вечно царствует злодей!

Калисфен⁹
(Философ, племянник Аристотеля
в дальнейшем участник похода в Персию,
активный противник Александровых дел)

И как же вы её создать
Намереваетесь в натуре?
Послушать можно? Как её,
Ту – эту, вашу гомонойю?
Практически-то, как создать?
Тут можно голову сломать.

В уме её, я верю, можно!
Но вот – практически-то как?
Я думаю, что невозможно.

---

⁸ Единство разума всех людей. Учение появившееся во времена Александра Македонского. Это учение усиленно продвигалось Александром в действие. Иногда оно проводилось в жизнь даже особенно не вдаваясь в его подробности, буквально «вбивалось» (иногда и насильно) всем ходом его деятельности.

⁹ Есть две версии о гибели Калисфена: первая – он был казнён, а вторая – умер в тюрьме от ожирения. Впрочем, обе версии могут оказаться правильными. Например – долго ожидал казни, а кормили хорошо.

Ни так, ни эдак! И никак!

Александр

(Не желая преждевременно раскрывать свои замыслы и идеи, чтобы не отпугнуть радикальностью взглядов своих возможных союзников и понимая, что это дело будущего, решил прекратить ненужные споры и перевести разговор на другую тему. Поэтому согласился.)

Ты прав, все это очень сложно.

Полибий

Разумность в действиях природы
Вы признаёте или нет?
Хотел бы знать, каков ответ?

Александр

Разумность в действиях природы
Я не могу признать ни в чём.
Конечно целесообразность
В ней всё же есть, почти во всём.

Но разума не вижу я.
Ведь разум в действиях бывает,
Когда ты мозгом наделён,
А это только мы да Он!

Полибий

Пожалуй так. Но есть иные,
Те кто считают божий мир...
Что он разумен.

Александр

Где примеры?
В чем её разум? А где бог?
Здесь очень каверзный порог.
Если она сама разумна,
Тогда зачем природе бог?

Один из философов

Да, здесь безбожия порог!

Апеллес

*(Художник.
Обращается к философам
с весёлым сарказмом.)*

Да прекратите, сумасброды,
Ваш – мракобесия поток!
Давайте лучше о прекрасном.
Прекрасное – всему исток!

(Далее, обращается к Александру)
Скажи мне лучше, юный друг,
Как ты относишься к театру?

Александр

Люблю.

Апеллес

А более того?

Александр

Я обожаю Эврипида.
Могила скромная его
У нас. И чтится, как святыня.
Я перед ним своё чело,
Как перед гением склоняю.

Эсхил! Софокла обожаю!
И «Персов» битвы... и Орест,
Гонимый девами в Тавриду...¹⁰
И «Прометей», к скале, как крест,
В горах прикованный Кавказа...

Гомер...! Способный до экстаза
Своей поэмой довести...¹¹
Да мало ли... Пусть Феб¹² простит,
Если запомнил что-то...
А без театра – путь в болото.
Театр – великий чародей!
И, видимо, на много дней!

Театр мечтаю посетить!
Увидеть – ваши представления,

---

¹⁰ Здесь идёт перечень выдающихся произведений древности.

¹¹ Александр имел ввиду Илиаду.

¹² Феб – одно из имён Аполлона.

О ваших трагиках своё
Составить собственное мнение.
(Подумал, молча постоял
И тихо произнёс: «...Фессал!»)

Исократ

Что Александр?

Александр

Да я сказал...
Я вспомнил только что о друге.
Из-за меня он пострадал —
В немилость чёрную попал.

Исократ

(Понимая, о ком идёт речь)

Театр ты можешь посетить.
На днях вот будет «Антигона».¹³
А после, кажется «Эдип».
Потом и до «Агамемнона»
Черед со временем дойдёт.
Здесь всё известно наперёд!
Мы ожидаем два прогона.

Фалек

(Поэт)

Кто из поэтов вам любезен?

Александр

Алкей и Сапфо, Симонид,
И Антимах, и Бакхилид,
Ион Эфесский, и Солон,
Конечно же – Анакреонт.
И много более того.

Но я не знаю никого
Прекрасней нашего Гомера,
Певца эпических былин,
Творца гармонии и меры.

Тимей

---

¹³ Здесь речь идёт о выдающихся театральных представлениях древности.

Ну что ж... Прекрасные примеры!
Довольно, право, господа!
Отпустим нашего героя.
Беседа славною была,
Проблемной в чем-то и не скрою
Полезной очень. В добрый путь!
(С лёгким юмором)
Успехов в вашей гомонойе.

Сейчас же лучше отдохнуть,
В Афинах есть на что взглянуть!
Друзьям и спутникам успехов,
Театр дружно посетить,
Побольше с юмором дружить...
Пока ещё не до доспехов...¹⁴

В Симпосион! Иль на Пирей —
Среди гуляющих людей!
Смелее милые ступайте.
И с наслаждением отдыхайте.

Александр

Благодарю вас, господа,
За ваш приём и за беседы,
Услышать мудрые слова
И вашей мудрости отведать...
Мне только жаль, что Диоген
Не пожелал сюда прийти.
Придётся мне к нему идти.

Фалек

(С нескрываемым юмором)

А он здесь больше не живёт.
В Коринфе ныне проживает,
Близ Крания преподаёт
И в винной бочке обитает.

Александр

Жаль, я хотел поговорить.
Коль буду в тех краях когда-то,
Тогда смогу и навестить.
(Обращаясь ко всем)
Была приятно беседа!
Я искренне благодарю,

---

¹⁴ То есть пока нет войны.

Все ваши мысли в своём сердце
Я непременно сохраню.
Прощайте, мудрые! До встречи!
(Александр и его друзья уходят)

Глава 5. Александр. Рождение, юность, учёба и возмужание

Рожденье его под счастливой звездой
Свершилось в столице – Пелле.
Рожденье ребенка да в царской семье —
Это большое веселье!

Праздновал царь, веселился народ,
Маленький принц в колыбели
Спал себе тихо, не зная забот
И не внимая веселью.

Царь македонский, Филипп II,
Жертвы богам могучим
В храмах торжественно приносил,
Под фимиам летучий.

Вот он наследник. И род не помрёт:
Вырастет – в сильные руки
Царство из рук ослабевших возьмёт.
А там и появятся внуки...

Имя ему нарекли Александр,
В храме жрецы и пророки.
Мальчик здоровеньким стал подрастать,
Опережая все сроки,
Славный и умный не по годам.
(Как это всё преподнесено нам!)

Имя должно освещать ему путь,
Быть его предначертанием.
Его выбирали – большие жрецы,
Сопровождая гаданием.

Род его шел по преданью царей
От самого Геркулеса.
И с материнской другой стороны,
Предок не меньшего веса —
Через великих Эпирских царей,
От самого Ахиллеса.

Так ничего себе, в общем, родство:
Мощный Геракл – сын Зевса!
И Ахиллес, сын Фетиды морской, —
Предок не меньшего веса.

В общем, герой Илиады – Ахилл
Был Александру предком!
И Александр его боготворил,
И чтит почитанием редким.

Он подрастал с потаённой мечтой —
Вырастет, станет героем.
И славные подвиги совершит,
Как под стенами Трои.

В древних развалинах Трои былой,
Где-то в дворце Приама,
Мальчику найден был воинский щит,
Что по семейным данным,
Будто Ахиллу принадлежал.
Мальчик безумно тот щит обожал.

И почерневший от старости щит,
Веря, что щит тот – Ахилла,
Он с помощью старших над ложем прибил.
И гордость его возносила!

Он в детских мечтаниях твёрдо решил,
Как под стенами Трои,
С этим щитом обойдёт целый мир
И станет отважным героем!

Его воспитанием руководил
Сам Стагирит Аристотель.
Филипп Македонский его пригласил
Для постоянной работы.
Тот близ Миезы ликей учредил,
Сына учил и работал,
Там и великой науке служил,
Там же всю жизнь до конца и прожил.

Он-то воспитанника и приучил
К чёткой, системной работе,
С умным подбором числа дисциплин,
Чтоб обучался в той школе с охотой.

Учил пониманию сути вещей,
Он землю, огонь и воду
Расставил, как сущности, по местам,
Учил пониманью природы!

А там – метафизика! Музыка! Театр!
Недаром прошли эти годы.

У пылкого юноши он возбудил
К познаниям страсть и к походам!
И всё это с детства ему заложил,
На все его зрелые годы.

Тот впитывал жадно! Хватал налету!
И всё без нытья и нудоты.
А стимулом было:
«Всё это тебе,
Сгодится в боях и походах!»

Он верил, что это сгодится ему,
Как в битвах героя Тезея,
Героя Ахилла, Геракла со львом,
На службе царя Эврисфея.

И к чести его, надо твёрдо сказать,
Герой из него получился,
Он всё от учителя получил
И многому научился.

А всё, что касалось другой стороны —
Расизма античных греков...
Надменности греков ко всем остальным,
То тут – ни малейших успехов!

Надменности греков он напрочь не взял,
Отринул как мусор негодный.
Хоть это и было основой тех дней,
Элитным учением модным.

Среди племенных и расистских страстей,
Где был Стагирит «громогласен»...
Для мальчика не было близких идей
И труд оказался напрасен.

А чтобы представить ту древнюю жизнь,
Без льстивости и без прикрасы...
Напомним, что наш, современный нацизм,
Немногим, чем этот вот, древний, ужасен.

Да! Древние греки! Поэзии взлёт!
Театры! Скульптура! А храмы!
И как не прикинешь —
Гомер! Гесиод!
То вам не какие-то хамы!
А сплошь тебе милый,
Культурный народ...
Однако ж – нацизм!

Это драма.

А дело всё в том, что творили они —
Всё только для праведных греков.
А вот к остальным относились они,
Как к варварам – нечеловекам.

И все те изящные, милые штуки —
Для эллинов славных! Шедевры их рук!
(А варвары – скот для тяжёлой работы)
И варвар для грека – не брат и не друг!

Ведь варвар, по сути своей, – несвободный,
А раз несвободный, то значит он – раб!
И значит, он должен на грека работать...
Он думать не может и духом он слаб.

Об этом бы можно и не говорить,
Но всё, что в дальнейшем по жизни случится,
За всем и учитель великий стоит,
И то, с чем учитель – не достучится
До своенравного ученика.
С чем тот – так и не согласится!

Просьба к любителям древней культуры —
Не возмущаться и не враждовать.
Ведь даже, при всём изложении этом,
Я тут и не думал её оскорблять.

И всё, что касается древней культуры —
Всё истинно верно! Она велика!
Ещё несомненно, она и прекрасна!
И кто же тут спорит?
Да только пока...
Пока это всё – лишь для эллинов славных!
Самых великих и истинно главных!
А все остальные – лишь только рабы.
Ну и конечно – клеймённые лбы!

Мир тогда чётко весь подразделялся —
Только на греческий и остальной.
И долгое время таким оставался!
Словом, покуда там «меч» и «кинжал»
С силой всё это не перемешал!

Вы может скажете: «Это неправда!»
Но всё это – правда! Включите мозги!
И вспомните: Гитлер все бредни построил...
Всё взявши от греков! Античных! Увы!

Да, даже и «Хайре!» – на «Хайль!» переделал,
Вот и скажите, что мы не правы.
Хайре! И взлёт устремлённой руки!
Греческий! (Ну и нацистский, увы!)

Что? Голословно? Вот вам подтверждение!
То мудрые греки давали ему,
Мальчику юному, при воспитании —
Гебельс в рейхстаге! Один к одному!

Вот вам известный и мудрый Платон!
А вот изречение – истинно, в тон!

«Варвары все – это наши враги!
Они всей природой своей созданы,
Чтоб быть для эллинов – рабами!
И мы естественно должны,
Как с богом данными врагами
Непримиримо воевать
И беспощадно убивать!

И наша ненависть священна!
Она естественна для нас...»
Ответьте честно: Was ist das?
По-моему, нацизм чистейший!

Хоть изречение в стихах,
А потому, оно примерно.
Но вот изложено всё верно!
И передано не за страх,
За совесть, вы уж мне поверьте.
Ну, а не верите – проверьте!

И это вам не Йозеф Гебельс!
Две с половиной тем словам!
То Древней Греции законы
И не дай бог такого вам.

Все те слова сказал когда-то
Нормальный грек, четвертый век,
Философ, умный человек!

А вот другой великий грек.
И тоже умный человек,
Сам Аристотель Стагирит.
И не разбойник, не бандит.

И то не Мюнхена пивнушки,

Когда боролся там за власть,
А позже, канцлером в Рейхстаге,
С трибуны ненависть и страсть
Распространял наш бравый фюрер,
Уже имея эту власть.

Всё это, милые, – в Трактате!
Умно, научно говорил!
К тому ж ещё и очень дельно...
(Он это там – наворотил!)
«О государстве»... Почитайте...
Что? Почитали? Отрезвил?

«Все варвары самой природой,
Рабами грекам созданы.
Они для нашего народа —
На услужение даны.
Они должны на нас работать,
А мы должны повелевать,
Наказывать всех нерадивых,
А если нужно – убивать!»

Это расистское ученье
И неприкрашенный нацизм
Царили в греческом сознании,
Такой вот – «маленький цинизм»!
И вызывал он в душах греков —
Тот стопроцентнейший нацизм.

И он царил тогда у греков,
Меж миром греков и иным,
Другим, не греческим. Потеха?
То не потеха, то – «Стена!»
Или иначе скажем – «Пропасть»,
Что всё равно – цена одна!

В таких условиях суровых,
Противу мнений, Александр
Возглавил новое ученье,
Уйдя за Граник, за Скамандр¹⁵.

Он там приветствовал иное
Взаимодействие людей,
Назвав его, как гомонойя —
Единство разума людей!

И среди множества народов,

---

¹⁵ Речки в Малой Азии. На Ганике была первая битва Александра, а Скамандр протекал близ Трои.

Уйдя от рассовых идей,
Он жестко пресекал уродов —
Любимцев рассовых цепей.

А Аристотелевы мысли...
(Прочтите всё ж его трактат!)
В котором гений Аристотель...
И был же вроде – демократ...
Там выдавал такие «перлы»,
Не просто, так вот, напрокат...
Он поучал там Александра.
Он там – от рабства адвокат!

И поучал там очень дельно,
Как государство создавать!
В натуре думал «обкатать»
Свои «идеи» за Скамандром.
Да был отвергнут Александром,
Когда пошёл за Бычий Брод,¹⁶
Не взяв его с собой в поход.

Как обращаться им с рабами...?
Умно, научно поучал:
«Да, как с животными скотами!»
При этом мудро добавлял,
Дескать работать все должны,
Но мы должны – повелевать!
А те – лишь только исполнять.

«Рабы – это скот, их как диких зверей,
Держать нужно лишь для работы.
Их можно наказывать и убивать.
Без гнева! Без слёз! Без заботы!»

Вот так-вот любезнейший наш Стагирит
Без хитрых лакун и изъятий звучит.
Не слишком дословно и строго наверно,
Но вот, в основном и по замыслу, верно.

А вот Александр – принял общность людей,
Разведенных прежде по расам,
И он осознал, что их разум един,
Присущ он и грекам и парсам.

Но каждый из них ценит только своё!
И только различия сеет:

---

¹⁶ Здесь условно, чисто поэтически, за границу с Азией взят Босфор, а не Гелеспонт, через который переправлялся Александр.

«Мы, греки! Мы, греки! А это они!
Вы гляньте-ка! Овцами блеют!»

А это – мы, персы! (Одно только – Мы!)
Красивые, сильные персы!
А это не наши – чужие они!
На этом и царствуют «Ксерксы»!

Нацистские бредни, мы в наши года
Успели познать – это наша беда.
А древние нормой считали ту жизнь!
И слова такого не знали – нацизм.

Столетия прошли чередой с тех пор,
А это зловоние живо и ныне!
Но он среди первых когда-то решил
Убрать это всё, не оставив в помине,
Ни спеси племён и ни славы царей...
Ни местных пиявок, ни злых упырей.

Не ставьте в вину неудачу ему.
Он честно своё отработал.
Прогресс человека на том и стоит,
Что кто-то, когда-то работал.

Глава 6. Родители – отец и мать (Филипп и Олимпиада)

Филипп

Отец его, царь македонский, Филипп,
Кривой одноглазый владыка,
Он ряд македонских племён покорил
И стал самодержцем великим.

Умный. В сражениях непобедим!
Он сильную армию сделал.
Ту, что потом и у сына его,
Будет сражаться умело.

Он постепенно подмял под себя
Всех близлежащих соседей.
Но он понимал, что поймав на капкан,
Не приручить медведей.

Он понимал, чтоб страну укрепить,
Нужно в ней связи наладить,
Он золотые монеты пустил,
По всей неуёмной Элладе.

Тут хочешь, не хочешь,
И злоба – аж в дрожь...
А деньги едины – единый платёж!

Пробовал он и культурой спаять,
Стал музыкантов, поэтов,
И драматургов к себе приглашать,
Не очень-то знаясь на этом.

Тут-то помощником верным ему,
В этом «верхкаверзном» деле,
Стал, как никто, его сын – Александр.
И действовал очень умело!

Средь драматургов, поэтов, певцов,
Трагиков и музыкантов,
У Александра имелись друзья,
С множеством разных талантов.

Был он и сам не обижен судьбой
В этом искуснейшем деле,
Он ведь ещё и умел врачевать,

Хворь исцеляя в теле.

Раны, уколы, обломки стрелы...

(Я о военном деле)

Всё это воин обязан был знать.

И медицину пришлось изучать,

По курсу, в своём ликее.

Биографы часто писали о том,

Что где-нибудь на привале,

Он часто лечил, то солдат, то друзей.

Многие то отмечали.

В деле науки и деле искусства,

Часто Филипп на него уповал.

И Александр, с его тактом и чувством,

В этом надёжно ему помогал.

Олимпиада

Олимпиада, мать, царица,
Властолюбивая жена,
Была ещё верховной жрицей.
На Дионисиях.
Она,
Обвившись змеями, плясала
И бесновалась в кольцах змей.
От страха люди цепенели,
Филипп говаривал о ней,
Смеясь в кругу среди друзей,
Что меж собой и между нею,
Среди перин и простыней,
Бойтся он на царском ложе
Увидеть этих самых змей.

Стройна, красива, как богиня,
Но гневом огненным полна,
Она всё это по наследству,
По крови, сыну отдала.

Как часто он, той самой крови
Боялся более всего.
Старался подавить борьбою,
Плоды наследства своего.
И вспышки ярости гасил,
Когда на то хватало сил.

Её надеждою был – сын.
Она без памяти любила.
И не скрывала никогда
Властолюбивые мотивы.

Владела её страсть одна,
Чтоб сына увидеть на троне,
И вместе с ним повелевать,
И царствовать! Хоть не в короне.

И распускала слух сама,
Примерно, вот такого типа:
Что Александр – был Зевсов сын,
Что вовсе он не сын Филиппа.

То в храме, да при ясном дне, —
«Тень Зевсова её накроет».
А то на ложе, при луне,

Огромный Змей её покроет.
Филипп боялся этих змей
И перестал ложиться с ней.

И как считалось по легенде,
От брака с Зевсом был рождён,
По высшей и небесной воле,
Её любимый Александр,
Для необычной царской доли.

Олимпиада своенравно
Хотела править. Но оно,
Её правление сорвалось,
Когда со временем пришло.

Она до «властухи» дорвалась,
Когда правление пришло,
Кровопротитие настало
И всё как в страшном сне пошло:

Она убила Клеопатру,
А с ней невинное дитя —
Филиппа семя задушила
И расходилась не шутя.

Когда проведал Александр,
Про это материно дело,
Он отстранил её умело,
Дал ей в тиши спокойно жить,
Но в государстве беречь,
В своё правленье, не позволил.

Но эта песня не о том,
Всё это сбудется потом.

Глава 7. Купание в море

Птолемей и Таида

(Птолемей, друг Александра, покинул ассамблею. Ему стало скучно. Он отправился за город на берег моря. Там он встречает гетеру Таиду, которая пришла искупаться. Море штормило, но Таида хорошо плавала и любила штормовое море. Птолемей не очень хорошо плавал, а бурного моря побаивался. Но увлечшись Таидой, он резко изменил свои намерения и полез купаться в штормовое море.)

Ему захотелось на свежий простор,
Он встал и тихонько вышел.
Сидеть с умным видом, о чём-то судить,
Не понимая смысла —
Нет, это сборище не для него!
Пусть Александр там «воюет».
А он, Птолемей, лучше к морю пойдёт,
Где ветер на воле бушует.

И вот он за городом, на берегу,
Тут ветер гуляет игриво.
На камне у берега дева сидит —
Стройна, грациозна, красива.

Задумчиво, грустно на море глядит.
Мечты её где-то далёко,
А волны рядами на берег идут,
Как мысли души одинокой.

И он подошёл, улыбнувшись сказал:
«Откуда ты здесь, nereida?»
Она повернулась и он обомлел,
Пред взором предстала гетера Таида,
Гламурная слава и гордость тех дней,
Слегка источавшая диво-флюиды.
А он, как и все, очарован был ей.
И вот неожиданно встретился с ней.

Почетная гостья того же собрания.
И тоже оттуда, со скуки ушла,
Ей, как и ему, захотелось на волю
И тоже на берег залива пришла.

Он даже пытался ей знаки внимания
Оказывать там, на учёном собрании,
Но тщетными были старанья его,
Не вышло с затеею той ничего.

А тут посмотрела она и сказала:
«Ты тоже оттуда, я знаю тебя!
Ты был на собрании среди приглашённых.
Ты раб македонского царя.»

Птолемей
(С обидою)

Я вовсе не раб! Я товарищ его!
Да знаешь ли ты... Начал он, но осёкся.
И вовремя всё-таки сам остерёгся,
В душе погасив загудевший набат,
Что он Александру, хоть сводный, но брат.

Подробности детства и тайну родства,
Мать Арсиноя ему рассказала,
Но страшную клятву при этом взяла,
Чтоб тайна та явью когда-то не стала.

Таида

Ты видно обиделся. Я не со зла.
Я о тебе ничего ведь не знала.
Друг – значит друг.
Я оттуда сбежала.
И видишь, за город, на море пришла.

Птолемей

Ты в море глядела, с глубокой тоской...

Таида

Это тоска – без конца и начала!
Пришла искупаться, да что-то нашло,
И душу мою вдруг печаль обуяла.
А бурное море я с детства люблю.
В волнах я мечтаю и даже пою.
Там тело под ритмами волн отдыхает
И думы тревожные прочь улетают.

Ведь я по рождению всё же – критянка.
Но это давно... Я теперь – афинянка!
И жизнь изменилась: веселье, комфорт...
Но часто мне снится обшарпанный порт,
А возле него, как из детства подруга,
Под солнцем горячим простая лачуга.

И вот загрустила, подумав что Крит,
Вон там, среди моря, так близко лежит.
Ведь это – родина моя...

Птолемей

Понятна мне печаль твоя!
Ну, а моя земля вон там,
*(Махнул рукой в противоположном
направлении.)*
Где Македония. И нам
Привычней бегать по горам,
Чем плавать в море по волнам.

Таида
(Подшучивая)

Так ты вообще не любишь море?
И что? Не нравится совсем?
Но даже дикий Полифем¹⁷
И тот любил купаться в море.

Птолемей

И я – люблю! Но с ветром спорить...
Не хочется... Да и штормит...

Таида

А ты послушай, как шумит...
Как увлекает в эту даль...
Там прочь уходит вся печаль,
Там только воля!
Ты плыви...
И наслаждение лови!

Птолемей

С тобой, пожалуй, хоть куда!
(И сам при этом удивился...)
Что неожиданно решился!
А дальше – стыдно отступить.
Решился? Нужно подтвердить!

В башке засел любовный хмель,
Он словно ошалевший шмель,
На запахи цветущих трав

---

¹⁷ Одноглазый циклоп.

Взлетел, Таидой опьянён,
Хитон свой сбросил – Аполлон
Мог позавидовать фигуре.

И полон молодецкой дури,
Не ведая удар волны,
Не чуя козней сатаны,
Побрёл на волны, словно вол.
Но встречный вал – обратно смёл!

Таида в хохот, платье прочь,
С разбега быстро – под волну,
Всё тело вытянув в струну.
И пронырнув пошла вперёд,
Используя на гребнях взлёт.

То вниз провал, то снова вверх...
И звонкий серебристый смех
Затронул гордость Птолемя.
И он от этого храбрея,
Мгновенно всё сообразил,
С разбега новый вал пронзил
И за Таидой устремился.
Желая храбрость показать,
Решил красавицу догнать.

Держись, мол, дерзкая девчонка!
Но состязание вдогонку —
Ему очков не принесло,
А в море сильно отнесло!

Когда он понял, что далече
Уже от берега заплыл,
То пыл тихонечко остыл
И он стал думать, как ему
На берег выйти самому.

Таида

*(Испытывая удовольствие от плавания в
штормовую погоду, удаляется от берега)*

Смелее, воин, тут прекрасно!

Птолемей

*(Борясь с противоречивыми чувствами,
Птолемей какое-то время плыл за Таидой,
но наконец не выдержал и повернул к берегу.
Таида увидела что у него проблемы
и быстро повернула к нему.)*

*Птолемей мысленно стал укорять себя за то,
что поддался слабости и полез в море.)*

Видать – моя судьба на море
Закончить жизненный свой путь.
Я думал в битве где-нибудь...
Всю жизнь готовился, старался...
И так вот просто? Ни за что?
Вдруг обернуться здесь в ничто!
От храброй дури потонуть...
Нет, нужно к берегу свернуть!

Таида
(Догоняя Птолемея)

Ты извини. Я и не знала,
Что у тебя проблемы есть.
Я вижу, демоны морские
Сурово тянут в свою сеть!

(Далее тоном наставника по плаванию)
Держись спокойнее! Расслабься!
Здесь ветер в спину – не спеши!
Чем выше лезешь из воды,
Тем глубже тонешь. Разреши
Воде качать тебя, как в лоне.

Используй смело взлёт волны,
А груди воздуха полны!
Так! Полный вдох!
На гребне взлёт!
Рывок стремительный вперёд!
И не заметишь, как волна,
На берег вынесет сама.

Птолемей

Тяжелый случай – смех и грех!
Перед тобой иметь успех хотел
И рьяно устремился.
Вот и заплыл!
Но гиппокамп¹⁸
С меня никчемный получился.
А ты – как нимфа по волнам!
На удивление богам.

Таида

---

¹⁸ Гиппокампы – водяные лошади, спутники Посейдона.

Но ты решился в ветер плыть!
Так, как тут мужеству не быть!
Начало есть. Похвальна прыть.
Но с морем – надобно дружить.
(Выбралась из воды.)

Птолемей
(Подтрунивая над собой,
тоже выбрался из воды)

Хвала богам! Земная твердь!
Кошмар! Аида круговерть
Чуть не втянула в свою пасть,
Но всё в порядке – карта в масть.¹⁹

Таида

Могу ль частично искупить
Свою вину за безрассудность,
Что увлекла тебя собой?

Птолемей
(Полушутя)

Конечно! Вечером, домой,
К себе на встречу пригласи.

Таида

Не много ль вздумалось просить?
И вообще, ты кто такой?

Птолемей
(Шутя)

Здоровый, сильный, молодой!
Я, Птолемей, товарищ Саши.
Ну, Александра! Он мой друг.
Ты пригласила б нас в свой круг...

Придём мы четверо. И слово
Тебе я честное даю
Всё будет строго, как в строю.
Ну не могу я так уйти!
И потерять к тебе пути.

---

¹⁹ Птолемей хотел сказать, что в этой игре ему повезло, как в картах.

Таида
(*Внимательно посмотрела
на Птолемея.*)

Что ж, приходите на Керамик,
Мой дом стоит среди олив,
Калитка вся плющом увита,
Два дерева душистых слив, перед калиткой.
Я на встречу трёх приглашу своих подруг.
До новой встречи, милый друг!
Не плавай больше в непогоду.
(*Уходит*)

Глава 8. Друзья

Прогулка к морю

Покинув дружно ассамблею,
Прошлись немного по аллее,
Свернули вниз за косогор
И вышли к морю.
Тут и спор
Неарх затеял с Александром,
Вернее всё наоборот,
Тут Александр полез вперёд,
Хотел поплавать в бурном море.

Спустились к берегу и вскоре,
Нашелся там и Птолемей,
В знакомстве с девою признался
И на свидание позвал,
Но плавать напрочь отказался.

Неарх как-то бросил – мол переплывёт!
А Александр привязался:
Поплыли и всё тут – желаю дерзнуть!
Неарх отбивался, но сдался.

И вот окунулись в солёных волнах,
Потом помелькав, отдалились,
А ветер над гребнями пену срывал
И вскоре купальщики скрылись.

Неарху неважно, был штиль или шторм,
Он плавал в воде, как рыба.
А Александр – не любил отступать,
В решениях твёрд был, как глыба.
Хотел он себе самому доказать,
Что может и в море противостоять
Опасностям и невзгодам.
А шторм – то что надо, погода!

Компания вся устремилась в обход,
На дальнюю кромку залива.
Неарх с Александром заливом прошли —
Неарх, даже где-то, лениво,
А Алекс – характер и волю в кулак,
Ну, в общем, прошли – не попали впросак.

А на берег вышли, друзья подошли,
За дружную трапезу сели,
В ближайшей таверне, среди рыбаков,
И свеженькой рыбки поели.

Слегка посмеялись над Птоleme.
Который увлѣкшись Таидой,
Купаться полез, не взирая на шторм.
И чуть не отъехал к Фетиде.²⁰

Сильный и рослый, хорош собой,
В 24 года,
Опытный воин, почти что, герой.
Стойкий в военных походах.

Но в море он плавал слабее других
И с детства не слыл в мореходах,
Но был превосходен в бою на мечях
И стоек в далѣких походах.

А Александр, – тот был первым всегда.
И вовсе не по рождению,
Силой и ловкостью среди друзей
Он вызывал уважение.

Храбрый и умный не по годам,
Он был хорошо воспитан.
С музами дружен и щедр к небесам,
Да и к тому же начитан.

А Македонским он станет потом,
Это в грядущих походах.
Тут он пока что ещё Александр,
Правда, из царской породы.

Здесь он в кругу закадычных друзей
О дальних походах мечтает.
И постоянно, всегда и везде,
Воинов сильных и стойких в борьбе,
Ближе к себе собирает.

---

²⁰ Нереида, дочь Нерея, мать Ахилла, предка Александра.

Гефестион

Вот один из них – Гефестион,
Преданный боец – телохранитель.
Он Александра в битвах защищал,
В тех боях, что вел Филипп-воитель.

Он, по сути, был его «щитом»
И не лез вперёд, как предводитель.
Ростом был огромен, как гигант,
И ходил за ним, как бог-хранитель.

Был поверен в помыслы его,
И держался с ним единых взглядов,
И входил в почетный круг друзей,
Где с грозой приказывать не надо.

Где тебя поймут с двух первых слов,
По законам дружбы не изменят,
И пойдут по жизни до конца,
Где превыше в жизни дружбу ценят.

Так служил гигант Гефестион
Своему царевичу и другу.
К Александру был привязан он
Прочной и товарищеской дружбой.

Александр, как чуткий человек,
Тоже был к товарищам привязан.
Он всегда любил своих друзей,
С кем единством помыслов был связан.

Неарх

А вот Неарх. Он был рождён на Крите.
Как все критяне – страстный мореход.
В морской пучине, при свирепом ветре,
Он не страшился буйства гневных вод.

Еще мальчишкой был привезен с Крита
И вырос в Македонской стороне.
И стал критянин – македонцем.
Он дрался превосходно на коне,
Любил вставать с восходом солнца
И образован был вполне.

С друзьями же сближался очень сложно,
В ребячьи игры не любил играть,
Свой светлый мир и юные мечтания
Он не привык открыто доверять.

Он был ровесник Александру
И с юности воспитывался с ним,
Держался в сверстниках отдельно,
И был немножко нелюдим.

Но с Александром всё же подружился
И Александр Неарха полюбил.
И он, Неарх, за ту большую дружбу,
Такой же верной дружбою платил.

Увидев ум и силу Александра,
Узнав его чудесные мечты,
Не мог Неарх не оценить стремленье
Пойти на край неведомой земли.
Но Александр пока ещё царевич,
А впереди – превратности судьбы.
Неарх упорно с детства упражнялся
И был бесстрашен в дни борьбы.

Птолемей

А это – всем известный Птолемей.
В суровой Македонии родился,
Воспитывался в играх боевых.
И тайно царской кровью гордился.

Под страшной клятвой тайну крови мать
Ему поведала. Гетера Арсиноя
Была близка Пелейскому царю,
Филиппу Македонскому.

А вскоре
За Лага выдана. Родился Птолемей.
Формально слыл – из рода Лага (Зайца).
Но тайно был он – Александру сводный брат.
И слава богу, что не от китайца,
А то заметно было бы на взгляд.
А так всего лишь тайный брат.

С царевичем соперничал в забавах.
Завидовал и злился. Ревновал
К успехам, почестям и славе!
Скандалы часто затевал.

И может кончилось бы это не забавой,
А где-то в «династической тюрьме»,
(Когда б на трон претендовали),
Но видно, прокрутили трезво всё в уме,
И о родстве не вспоминали.

И тайна – тайною была.
Прошли наследные дела,
Без приключений и печали...
Возможно тут сыграла мать.
А может сам сумел понять
И оценить успехи Александра,
Его способность принимать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.